

ВАЛЕРИЙ ВОРОНА,

*доктор экономических наук, профессор,
директор Института социологии НАН
Украины*

ЕВГЕНИЙ ГОЛОВАХА,

*доктор философских наук, главный научный
сотрудник отдела социально-политических
процессов Института социологии НАН
Украины*

НАТАЛИЯ ПАНИНА,

*доктор социологических наук, заведующая
отделом социально-политических процес-
сов Института социологии НАН Украины*

**Общественное мнение и массовые настроения в
России и Украине:
до и после августовского финансового кризиса 1998 года**

Когда о России и Украине говорят как о “братских республиках”, это не только дань прошлому с его лицемерной идеологией, в рамках которой под братством понималось равное бесправие в составе СССР. Общий “социальный генотип”, доставшийся независимым Украине и России, и поныне определяет близкородственную предрасположенность к одним и тем же социальным патологиям. Общие традиции восприятия социальной действительности и идеологические стереотипы недавнего прошлого обуславливают принципиальное сходство эмоциональных реакций, связанных с оценкой ситуации в стране. Многочисленные исследования, проведенные в России и Украине, свидетельствуют о том, что в обоих государствах повсеместными стали такие явления, как недоверие к власти и политическим институтам, пессимистическое отношение к возможности

преодоления социально-экономического кризиса, феномен “субъективно-го обнищания”, скептическое отношение к либеральной стратегии реформирования экономики [1]. Вместе с тем нельзя недооценивать различия между Украиной и Россией, которые не позволяют рассматривать оба государства как сиамских близнецов, насильственно разлученных волею судеб или волею “зловредных хирургов-демократов”. Во многом пути России и Украины расходятся достаточно далеко, и это отражается не только во внешней и внутренней политике, но и в массовом сознании, в мнениях и оценках людей, их представлениях о социально-политической и экономической ситуации в своей стране и у ближайших соседей.

В исследовании, результаты которого изложены в данной статье, рассмотрены именно эти аспекты сравнительного анализа России и Украины (общие черты и различия в оценках населением ситуации в обществе и собственного социально-экономического положения) незадолго до августовских событий, которые привели к очередному в постсоветской истории России социальному потрясению и в значительной мере отразились на положении дел в Украине. В статье использованы данные сравнительного социологического исследования, которые в России провел ВЦИОМ (N = 2407), а в Украине – Институт социологии НАН Украины и фирма “Социс” (N = 1810). Общенациональные опросы в России и Украине проводились в мае 1998 года по программе, разработанной ВЦИОМ в рамках ежемесячного мониторинга общественного мнения. Часть вопросов, разработанных сотрудниками ВЦИОМ, были включены в анкету ежегодного мониторинга, осуществляемого Институтом социологии НАН Украины.

1. Оценка политической обстановки и отношение к социальному протесту: от превентивного пессимизма к декларативному протесту

Оценивая политическую ситуацию в своей стране, россияне и украинцы обнаружили примерно одинаковое отношение к тому, какие тенденции являются преобладающими в политической жизни: и те и другие крайне редко считают ситуацию благополучной, редко – спокойной, в основном – напряженной, и достаточно часто – критической, взрывоопасной (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценки политической ситуации в России и Украине, %

КАК БЫ ВЫ ОЦЕНИЛИ В ЦЕЛОМ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ОБСТАНОВКУ В СТРАНЕ?	Украинцы о России	Украинцы об Украине	Россияне о России
Благополучная	1,0	0,9	0,6
Спокойная	6,7	8,2	6,7
Напряженная	52,6	50,3	57,0
Критическая, взрывоопасная	16,4	33,9	27,2
Затрудняюсь ответить	23,3	6,6	8,9

Население Украины вдвое чаще оценивало политическую ситуацию в своей стране взрывоопасной, чем в России (любопытно, что “рвануло” не там, где этого больше ждали). Вместе с тем большинство населения в обоих государствах отмечало состояние напряженности, которое, по их ощущениям, было наиболее характерной чертой политической ситуации. Это состояние отражалось и в самооценках настроений, среди которых преобладали напряжение и раздражение (см. табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов в России и Украине на вопрос:
“ЧТО ВЫ МОГЛИ БЫ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ
В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?”**

Вариант ответа	Украина	Россия
Прекрасное настроение	2,3	4,0
Нормальное, ровное состояние	26,5	35,6
Испытываю напряжение, раздражение	48,2	43,3
Испытываю страх, тоску	12,8	11,6
Затрудняюсь ответить	10,3	5,5

Но хотя эмоционально люди и были готовы к тому, что перемен к лучшему ожидать не приходится, рационально они явно не предвидели скорого обвала экономики. Так, только 19% россиян допускали возможность резкого ухудшения экономической ситуации в стране в ближайшие месяцы, 17% — политической ситуации.

Разумеется, прогнозные оценки рядовых граждан относительно политических и экономических потрясений совпадают с реалиями политической жизни не чаще, чем прогнозы политологов и экономистов, однако в них отражен общий эмоциональный фон, способный сыграть существенную роль в том случае, если политическая обстановка в стране резко изменится. Общее для России и Украины массовое чувство “накаленности” политической атмосферы позволяет большинству граждан воспринять социальные потрясения как вполне закономерный итог развития общества и не реагировать на них с чрезмерным драматизмом. При этом украинцы основательнее, чем россияне, подготовились к худшему. Во-первых, и до кризиса у них реже наблюдалось нормальное настроение (см. табл. 2), а во-вторых, среди них было еще меньше, чем в России, оптимистов, веривших, что в течение года жизнь в стране более или менее наладится (11% против 15%). Но главное, что в обеих странах подавляющее большинство населения составляли пессимисты.

Массовый превентивный пессимизм, пришедший на смену дежурному оптимизму советских людей, выполняет важную социальную функцию в условиях непредсказуемости политического и социально-экономического развития общества. Он позволяет избегать краха иллюзий, переставших выполнять регулятивную функцию после завершения эпохи господства идеологии иллюзорного коммунистического патернализма. Возможно, именно поэтому “поставгустовские события”, существенно затронувшие

экономические интересы россиян и украинцев, не вызвали нарастания протестной волны.

Отдельные разрозненные акции протеста, связанные с несвоевременной выплатой заработной платы в Украине, и показательная профсоюзная акция в России 7 октября вряд ли могут оцениваться как адекватная массовая реакция на обвал экономики, стремительный рост цен и резкое снижение уровня жизни. И хотя около трети граждан России и Украины считали весьма вероятными массовые выступления против падения уровня жизни в их населенных пунктах, более пронизательными оказались те, кто не ожидал от своих земляков публичного выражения протеста (см. табл. 3).

Таблица 3

Оценка вероятности массовых протестных выступлений, %

НАСКОЛЬКО ВОЗМОЖНЫ СЕЙЧАС В ВАШЕМ ГОРОДЕ, СЕЛЬСКОМ РАЙОНЕ МАССОВЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРОТИВ ПАДЕНИЯ УРОВНЯ ЖИЗНИ, В ЗАЩИТУ СВОИХ ПРАВ?	Украина	Россия
вполне возможны	37,0	43,2
маловероятны	40,1	40,2
не знаю, затрудняюсь ответить	22,9	16,6

Причем в Украине процент тех, кто ожидал массовых акций протеста, был примерно равен проценту тех, кто сам был готов принять участие в такого рода акциях, тогда как в России население ожидало массового протеста чаще, чем в Украине, но среди россиян было значительно меньше тех, кто к этим акциям собирался присоединиться (см. табл. 4).

Таблица 4

Готовность к личному участию в акциях протеста, %

ЕСЛИ МИТИНГИ, ДЕМОНСТРАЦИИ ПРОТЕСТА СОСТОЯТСЯ, ВЫ ЛИЧНО ПРИМЕТЕ В НИХ УЧАСТИЕ ИЛИ НЕТ?	Украина	Россия
Скорее всего, да	35,2	27,1
Скорее всего, нет	35,4	53,5
Затрудняюсь ответить	29,4	19,4

Следует подчеркнуть принципиальное сходство отношения к протесту у большинства населения как Украины, так и России: большинство людей не декларируют явно выраженное намерения лично участвовать в массовых акциях. Следовательно, потенциал “народного терпения” остается не исчерпанным властями до критического уровня, несмотря на многочисленные неудачные экономические эксперименты, углубляющие социально-экономический кризис.

2. Феномен “терпения нетерпимого”: в Украине уже до кризиса большинство населения не могло терпеть то, что в России не может терпеть после кризиса

В связи с преобладанием в России и Украине людей, не желающих присоединяться к акциям протеста против падения уровня жизни, возникает вполне естественный вопрос: какой же уровень может оказаться критическим, когда массовый протест из гипотетического фактора социальной нестабильности превратится в реальный — угрожающий социальным взрывом? Можно предположить, что это связано с нарастанием чувства невозможности и далее переносить бедственное положение. Рассмотрим в связи с этим распределение ответов на вопрос о том, насколько непереносимым считают свое нынешнее положение россияне и украинцы (см. табл. 5).

Таблица 5

Как вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний более соответствует сложившейся ситуации?, %

Вариант ответа	Украина	Россия
Все не так плохо и можно жить	4,1	9,7
Жить трудно, но можно терпеть	30,6	41,6
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	59,9	42,0
Затрудняюсь ответить	5,4	6,8

Итак, каждые трое из пяти граждан Украины в мае 1998 года считали свое положение настолько бедственным, что дальше терпеть его невозможно. Среди россиян такого рода оценки составляли меньшинство. И в то же время именно в России активней проявлялось движение протеста, в ряде регионов дошедшее до коллективных голодовок и “рельсовых войн”. Следовательно, вряд ли можно рассматривать как критическую саму по себе ситуацию, когда большинство граждан постсоветского государства считают свое положение нетерпимым. Феномен “терпения нетерпимого” проявился и в России после августовских событий. По данным сентябрьского опроса, проведенного в рамках мониторинга ВЦИОМ, 61% россиян считали, что дальше терпеть бедственное положение невозможно. Среди граждан Украины в сентябре 1998 года аналогичный показатель составил 54% (по данным общенационального опроса, проведенного Киевским международным институтом социологии). Таким образом, россияне отреагировали на экономический шок “сигналом бедствия”, опередив украинцев по показателю “субъективной непереносимости бедственного положения”. И тем не менее достаточно было сменить в России правительство и умерить монетаристский пыл реформаторов, чтобы “непереносимо бедствующее” большинство смирилось с туманной перспективой выхода из экономического тупика.

В мае 1998 года у россиян было больше оснований для лучшего самочувствия и настроения, чем у граждан Украины. По крайней мере материальное положение среднестатистического россиянина было значи-

тельно лучше. Так, среднедушевой доход семьи в долларовом эквиваленте в России был в 2,1 раза выше, чем в Украине (в долларовом эквиваленте он, по данным опроса, составлял 78 против 37 долларов в Украине). Однако достаточно было одного финансового потрясения, чтобы в России резко ухудшилась эмоциональная атмосфера, и настроения стали более мрачными, чем в Украине в период майского опроса. Так, доля россиян, испытывающих напряжение и раздражение, возросла в сентябре до 48%, а страх и тоска — до 20%. Вряд ли можно было ожидать иной реакции, учитывая непосредственную связь самочувствия и настроений с актуальной ситуацией в стране. Однако резкое изменение настроений в России не повлияло на готовность населения к протесту как обобщенный показатель нежелания людей и дальше терпеть сложившуюся ситуацию.

Следовательно, можно утверждать, что в постсоветских государствах даже 60% граждан, живущих в непереносимых условиях, — не предел для сохранения установившегося социального порядка и неэффективно действующей власти. Возможно, этого предела вообще не существует. Разве что непереносимым начнут считать свое положение те “недоступные респонденты” (президенты, министры, народные депутаты, олигархи и т.п.), которые и являются реальным источником социальных потрясений. В настоящее же время они терпят свое положение с большим стоицизмом, чем подавляющее большинство населения. По крайней мере Президенты России и Украины публично не жалуются на непереносимость жизненной ситуации, тогда как рядовые граждане оценивают их деятельность в сложившейся социальной ситуации крайне неодобрительно. Очень низкие оценки деятельности всех ветвей власти стали “притчей во языцех” как в Украине, так и в России. По данным майского опроса, население Украины и России по 10-балльной шкале оценило деятельность своих президентов не выше трех баллов.

3. Об одном возможном источнике социально-экономических потрясений в постсоветских государствах: когда скромные притязания становятся непомерными

Источники экономических кризисов, как правило, ищут в ошибочной экономической политике, в неэффективных действиях властных структур. Спорить с таким подходом вряд ли целесообразно. Не только квалифицированные эксперты, но и рядовые граждане обвиняют в кризисах прежде всего руководителей государства.

Так, в Украине основную причину экономической деградации экономики население связывает в первую очередь с неэффективным управлением государством. Уровень доверия к Президенту, Правительству и Верховной Раде Украины последовательно падает с момента выборов и назначения нового премьер-министра. В мае 1998 года полное доверие Президенту Украины выразило лишь 3% населения, а Правительству и Верховной Раде — по 2%, безусловно позитивно деятельность Л.Д.Кучмы в 1998 г. оценивали менее 2% населения (при 10% в 1994 году). В России доверие к Президенту Б.Ельцину последовательно падало от достаточно высокого уровня в момент переизбрания до почти нулевой отметки после августовских событий. Казалось бы, сослаться на иные причины эконо-

мического кризиса, кроме неэффективности управления страной, очень трудно, если население не только весьма терпимо относится к трудностям переходного периода, но и имеет, к тому же, сравнительно низкие материальные притязания (см. табл. 6).

Таблица 6

Сравнительные оценки среднедушевого дохода и материальных притязаний россиян и украинцев

Вопросы	Украина (\$ США)	Россия (\$ США)	Соотношение дохода и притязаний (раз)
1. Каков <i>среднедушевой</i> доход Вашей семьи за последний месяц?	37	78	2,1
2. Какой доход в расчете на одного человека в месяц обеспечивает <i>прожиточный минимум</i> в настоящее время?	94	147	1,6
3. Сколько денег нужно сейчас семье в расчете на одного человека, чтобы жить, по Вашим представлениям, <i>нормально</i> ?	179	296	1,7
4. При каком среднемесячном доходе в расчете на одного человека семью можно считать <i>бедной</i> ?	41	79	1,9
5. Начиная с какого среднемесячного дохода в расчете на одного человека, семью можно считать <i>богатой</i> ?	761	1261	1,7

Сегодняшние запросы населения России и Украины можно считать довольно умеренными не только в сравнении с уровнем жизни в развитых государствах Запада, но и в сравнении с соответствующими показателями в СССР накануне его развала (см. табл. 7 [2]).

Таблица 7

Международные сопоставления валового национального продукта (ВНП) и валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения в 1990 году

Страны	ВНП на душу населения (в долларах США)	ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности доллара США)
РСФСР	3430	7968
УССР	2500	5433
Соцстраны Восточной Европы и СССР	2670	6100
Страны со средним уровнем доходов	2350	4830
Индустриально развитые страны	14580	14440
Развивающиеся страны	810	2170

Как можно судить по представленным данным, россияне и украинцы сегодня хотят для нормальной жизни меньше, чем они, по официальной статистике, имели в 1990 году. Однако скромные сегодняшние запросы сформировались совершенно в иной социально-экономической атмосфере, чем та, что существовала в СССР. В период завершения экстенсивного развития экономики и далекого от начала этапа интенсификации даже скромные материальные притязания могут оказаться непомерными для переходной экономики. Не случайно все государства, пережившие даже менее масштабные экономические перетряски, начинали с жесткой потребительской дисциплины и интенсификации труда.

И если по данным опроса, проведенного в мае 1998 года, в Украине среднедушевой доход семьи был примерно в 2 раза меньше, чем в России (37 и 78 долларов США соответственно, что украинцы и россияне оценивают как состояние бедности в своих странах), то украинцы соответственно в 1,6–1,7 раза, по сравнению с россиянами, опускали в своих оценках черту прожиточного минимума, нормальных условий и богатой жизни семьи. Насколько реалистичны сегодняшние притязания россиян, если их соседи, стартовавшие в 1990 году из примерно равной позиции, в настоящее время имеют намного более скромные притязания?

Ведь несмотря на заметное отставание от РСФСР по валовому национальному продукту на душу населения, Украина по уровню потребления на душу населения основных продуктов питания превышала средние показатели по СССР. В 1990 году Украина на год-полтора превышала и средние по СССР и РСФСР показатели продолжительности предстоящих лет жизни (71 год и 69,3 соответственно).

Еще в составе СССР Украина традиционно имела имидж если не богатой, то вполне благополучной республики. По таким показателям экономического потенциала, как производство на душу населения стали, чугуна, угля, сахара, растительного масла и др. Украина лидировала не только в Союзе, но и в Европе. Вполне соответствовало европейским стандартам производство зерна на душу населения. По одному из основных, общепризнанных в мире, интегральных показателей качества жизни — «индексу человеческого развития» (ИЧР) Украина находилась в первой тридцатке промышленно развитых стран мира.

Учитывая вышесказанное, а также общие культурно-исторические предпосылки развития России и Украины как суверенных государств, можно утверждать, что после развала СССР оба государства находились примерно в одинаковой стартовой позиции по отношению к декларированным целям развития — построению демократического государства и рыночной экономики. Возможно, более резвый экономический старт России, связанный с либерализацией экономики, и достаточно высокие мировые цены на топливо как основной экспортный ресурс России, породили и более быстрый рост уровня жизни, и более высокие материальные притязания в России. Однако благоприятные факторы первых лет независимости были утрачены, а притязания остались. Чтобы их обеспечивать в менее благоприятных условиях, центральная власть в России занялась строительством грандиозной государственной финансовой пирамиды, которая закономерно рухнула, оставив россиян перед неприятным выбором: умерить притязания до того же мизерного уровня, как и в

Украине, продолжая реформаторские эксперименты, или попытаться на рыночных руинах отстраивать административную экономику по “белорусскому сценарию”. Сегодня окончательный выбор в России не сделан. Украина, успевшая построить свою финансовую пирамиду (поменьше, чем у соседей — по притязаниям), сумела договориться с кредиторами и не допустить скандального обвала экономики. Но снижения курса национальной валюты и роста инфляции (хотя и не столь заметного, как в России) избежать все же не удалось. Очень скромные “постсоветские” запросы — умеренные потрясения; чуть выше притязания — намного чувствительнее потрясения!? Хотелось бы надеяться, что эта закономерность не является исторической.

Литература

1. См.: Материалы мониторинга ВЦИОМ, публикуемые в бюллетене “Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения”. — 1993—1998 гг.; результаты мониторинга Института социологии НАН Украины, опубликованные в кн.: *Панина Н., Головаха Е. Тенденції розвитку українського суспільства (1994—98 рр.)*. Соціологічні показники. — К.: Інститут соціології НАН України, 1999.
2. Составлено по : UNDP. Human Development Report Office Country Human Development Indicator. — New York, 1993 (Russia Federation — Ukraine).